

Взгляд У Хэна вернулся, уголки его губ растянулись в густой улыбке, тонкие губы легко разомкнулись:

— У Хуай.

Точно назвал имя У Хуая.

У Хуай испытал необъяснимую радость. Боже правый, с тех пор как он ступил на эту землю, в его ушах постоянно звучали «ухуэй» и «во хуай», и как же редкостно было услышать точное «У Хуай»!

— Заходи.

У Хэн затянулся последний раз сигаретой, которую держал в руке, согнул пальцы и небрежно щелкнул окурочек вниз, со второго этажа.

— Угу.

Кабинет инструктора был рассчитан на двоих. Возможно, потому что изначально здание строилось по стандартам общежития, пространство в каждой комнате было не слишком большим. Два стола и два шкафа для документов занимали уже примерно половину площади.

В кабинете работал кондиционер, и в момент, когда У Хуай вошел внутрь, ему показалось, будто он выбрался из огненной ямы обратно в мир людей. Даже дышать стало легче.

У Хэн сидел в плетеном кресле, небрежно закинув ногу на ногу, и указал на квадратный табурет, предлагая У Хую сесть.

— Как тебе в Гуандуне? Осваиваешься? Погода и еда нормально?

У Хуай кивнул, потом покачал головой, нахмурил брови и очень серьезно размышляя:

— Думаю, проблем быть не должно. Но когда плаваю, устаю быстрее, чем раньше. Еда тоже кажется немного пресноватой. Но вы не волнуйтесь, я скоро привыкну. Дайте мне неделю... нет, три дня, и я адаптируюсь.

У Хэн кивнул с улыбкой, его взгляд упал на маленькое лицо У Хуая, и в глазах его было не скрыть симпатии.

Так все-таки это не показалось. У этого ребенка есть очень примечательная черта. Сталкиваясь с проблемой, он первым делом не ищет себе оправданий и не обвиняет других, а сначала ищет причину в себе и говорит себе, что все получится, уверяет других, что сможет. Эта черта подобна сияющей точке, она кажется драгоценной и вызывает искреннюю симпатию. Да и амбиции в его глазах тоже нравятся — цель ясна, прямо указывает на пьедестал у бортика бассейна, заставляя сердце трепетать. Хочется подхватить его руками, поднять над головой, посмотреть, как далеко он сможет зайти.

Чем дальше смотришь, тем больше нравится.

— Угу, не торопись. Физиологические вопросы требуют времени на адаптацию. Но я уверен, у тебя все получится.

У Хэн подавил сложные чувства в душе, во рту стало горьковато. Словно гурман, увидевший самое вкусное блюдо, которое ему нельзя попробовать, он уже в этот момент начал строить

планы, как бы незаметно для других перевести этого ребенка под свое крыло.

Нужно поторопиться, пока другие еще не разглядели, какой это хороший ребенок.

У Хэн помнил прошлого приезжего новичка. Тот из-за акклиматизации провалялся в общежитии пять дней, а когда поправился, все равно притворялся больным. Каким бы выдающимся талантом тот ребенок ни обладал, но раз сердце нечисто, то и сил недостаточно, а у кого сил недостаточно, тот сходит с дистанции на полпути. Он сразу же отправил того обратно.

Он мог быть уверен, что у этого мальчика перед глазами действительно не все в порядке, лицо красное не по-здоровому, будто... Он подозвал пальцем. Ребенок, немного растерявшись, быстро и послушно подставил свое личико.

У Хэн почувствовал жар под ладонью и кивнул.

Вот именно. Действительно болен, но все равно держится.

У Хуай заморгал, потрогал свой лоб и наконец сообразил, почему у него кружится голова и рябит в глазах.

— Пойдем.

У Хэн поднялся.

У Хуай смотрел с немим вопросом на лице.

— К врачу команды, возьми лекарств. Поговорим по дороге.

— О.

У Хуай был очень послушным и относился к инструктору с большим уважением, поэтому небольшой физический дискомфорт уже не имел значения. Он добросовестно подробно рассказал о своем состоянии, включая даже историю о смене имени перед приездом.

— Зачем сменил имя? — спросил У Хэн.

— Гадатель сказал, что иероглиф Ци — это земля и металл, вещи неподвижные. Если я хочу стать профессиональным пловцом, это не принесет мне удачи, буду тонуть, как только войду в воду. Нехорошо.

У Хэн смотрел на жалобную мордашку У Хуая, с трудом сдерживая смех:

— Ну что ж, поменял и поменял. Не переживай, ты не первый. В этих краях из-за таких причин имя меняют многие.

Рот У Хуая округлился в букву «О»:

— Оказывается, скучных родителей, таких как моя мама, довольно много.

У Хэн потрепал У Хуая по голове, рассмеявшись во весь рот.

К тому времени, как они вернулись от врача команды, У Хэн в общих чертах уже знал о восьми поколениях предков У Хуая и, естественно, понял, почему тот проделал долгий путь из

Сычуани в Гуандун.

Попасть в провинциальную команду, стать учеником известного тренера, участвовать в зарубежных соревнованиях, смело завоевать первое место!

Какое простое и одновременно трудное желание!

Спустились сумерки, зажглись фонари. У Хэн стоял на лестничной площадке второго этажа и мягко наставлял:

— Вернешься, не забудь принять лекарство. Жаропонижающее выпей перед сном.

Тут он помолчал, хотя и предполагал, что ребенок, скорее всего, не послушает, все равно добавил:

— Если завтра утром почувствуешь себя плохо, не приходи на тренировку. Передай мне через кого-нибудь.

Провожая взглядом удаляющуюся вверх по лестнице спину У Хуая, У Хэн все равно ощущал беспокойство. Он немного боялся, что этот ребенок не оправдает его ожиданий. Но он говорил себе: чего же ты хочешь? Почему так строг? Разве характера этого ребенка недостаточно? Единственная причина, по которой он пропустит тренировку — если действительно не сможет встать с постели.

У Хэн прикурил сигарету. Красная искорка то вспыхивала, то гасла в темноте. Он хотел успокоиться, говорил себе сохранять обычное отношение, не предъявлять к этому ребенку слишком высоких требований, разве это справедливо? Вон тем парням наверху он давал право раз в месяц притвориться больными. Бесконечные ежедневные тренировки — у любого возникнет желание сбежать, он может это понять.

Однако эти мысли лишь промелькнули в голове и рассеялись. В конце концов, все разрозненные мысли собрались воедино, слились в одну фразу, стиснутую зубами: держись, У Хуай.

...

Когда У Хуай открыл глаза, за окном уже светало, вдалеке доносились звуки автомобильных гудков, пение насекомых и птиц. Этот прибрежный мегаполис тоже пробуждался.

В спальне было тихо. У Хуай взял с края подушки телефон, глянул — без пяти полседьмого. Многолетняя привычка рано ложиться и рано вставать выработала у него хороший режим: утренняя зарядка с полседьмого до семи десяти, десять минут на завтрак, затем утренние занятия в школе — почти каждый день в прошлом проходил именно так.

Однако три минуты прошли, а в спальне по-прежнему стояла тишина, все не собирались вставать. Перевалило за полседьмого, и он наконец сообразил: сейчас летние каникулы, утренней зарядки нет.

Проснувшись, уже не заснешь. У Хуай лежал на кровати, уставившись в полог mosquito сетки. Летнее утро еще было довольно прохладным, легкий прохладный ветерок проникал сквозь сетку, играя на коже. Это время отлично подходило, чтобы поспать подольше. В общежитии стояла тишина, прерываемая лишь негромким храпом.

У Хуай хотел перевернуться и поспать еще, но вода в животе бесновалась, его неудержимо мучили позывы. Пришлось откинуть полог и, стараясь не шуметь, слезть с кровати.

Туалет находился в дальнем конце коридора, всего три кабинки. Разобравшись с ночными запасами, У Хуай, выходя из уборной, увидел, как из-за горизонта поднимается утреннее солнце. Яркие золотые лучи озаряли землю, мир перед глазами был свежим и насыщенным. Он глубоко вдохнул, голова прояснилась еще больше, и он почувствовал, будто снова ожил.

Весь вчерашний день он провел в тумане.

Не знал, куда идти, не знал, куда ступить следующему шагу, мог только идти вперед, смотреть по обстоятельствам, осторожничать, хвататься за все, до чего мог дотянуться.

Но, к счастью, это был знакомый ему мир: азарт и соревнования, тренировки и борьба, тренеры и товарищи по команде — эти элементы составляли здешнюю среду, ту самую жизнь, что с детства отпечаталась в его костях, поэтому принять ее было нетрудно.

Всего один день — и он почувствовал себя намного лучше.

Вернувшись в комнату, он обнаружил, что там по-прежнему тихо. У Хуай не знал здешних правил: во сколько встают, во сколько начинаются тренировки. Поэтому так же тихо, как и слезал, он забрался обратно на кровать.

Делать было нечего, он взял с края подушки телефон, открыл игру «Уничтожь звезды» и начал играть.

Этот телефон был добычей, ускользнувшей от сетей.

Переведены все китайские фразы, включая «Definitonno proydet» и авторские примечания.

Устранены несоответствия в оформлении прямой речи.

Приведена к единообразию пунктуация и оформление абзацев.

<http://bllate.org/book/15581/1387468>